

Нет автора

Русская старина

1904. 1_3

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1904. 1_3 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 743 с.

ISBN 978-5-458-02868-4

ISBN 978-5-458-02868-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Библиографическій листокъ.

Краткая всемирная история. Выпускъ I-2. Древнѣйшіе народы. Съ 100 рисунками и 1 картой. Выпускъ II-я. Древнѣйшій Египетъ. Съ 100 рисунками и 1 картой. В. А. Рагозиной. Изданіе А. Ф. Маркса.

Передъ нами двѣ книги изданія А. Ф. Маркса книги В. А. Рагозиной, предназначены для дѣтей 10—14 лѣтнаго возраста, но напечатаны еще никакого понятія объ исторіи.

Имя въ виду столь юныхъ читателей, авторъ употребляетъ самый простой и повятный языкъ и, при всей краткости изложенія, не оставляетъ необъясненными ни одного сколько-нибудь труднаго или новаго для ребенка выраженія. Усвоеніе текста очень облегчаютъ многочисленныя иллюстраціи, выбранныя очень тщательно, — такъ, чтобы шагъ за шагомъ пояснить текстъ. Между ними нѣтъ такихъ неадекватныхъ изображеній, какъ, напримѣръ, сцены изъ жизни первобытныхъ людей, о самой наружности которыхъ никто не имѣетъ настоящаго понятія; нѣтъ рисунки взятые изъ достоверныхъ научныхъ сочиненій или исполненныя по фотографическимъ снимкамъ, изображающимъ дѣйствительно существующія мѣста, развалины, предметы, которые можно видѣть въ разныхъ музеяхъ.

Первый выпускъ состоитъ изъ пяти главъ.

Въ первой главѣ г. Рагозина знакомитъ читателей съ доисторическими временами. Трудно вѣрится, — замѣчаетъ она, — а нѣтъ было время, когда люди не умѣли строить домовъ, ни даже хатъ, а жили въ дѣсахъ, которые въ ту пору покрывали чуть не всю землю. Они жили въ берегахъ и пещерахъ, почти какъ дикіе звѣри, съ которыми они были въ постоянной борьбѣ, такъ какъ питались ихъ мясомъ и одѣвались ихъ шкурами. Тамъ они проводили всю жизнь, то защищаясь отъ дѣснаго звѣря, то въ охотѣ за нимъ. Самые роскошныя жилищами считались пещеры въ горныхъ склонахъ, потому что въ нихъ всего лучше можно было укрыться отъ зимней непогоды, отъ лѣтнаго зноя и отъ всякихъ враговъ. Теперь пещеры найдены сотни, во всѣхъ частяхъ свѣта, и по нимъ, словно по книгѣ, можно читать, какъ жила обитавшіе въ нихъ люди. Въ болѣе обширныхъ пещерахъ люди устраивались на житье, почему и получили названіе „пещерные люди“. Что это были за народы, — не извѣстно. Но о томъ, какъ они жили, чѣмъ занимались, что умѣли, можно отчасти догадываться по разнымъ предметамъ, которые остались отъ нихъ и теперь еще въ большомъ изобиліи попадаются въ давно покинутыхъ жилищахъ пещеръ. Предметы эти, во большей части изъ камня, — орудія и домашнія орудія изъ твердаго камня; между ними не найдено и самаго важнѣшаго металла. Поэтому эту древнѣйшую эпоху жизни человѣка на землѣ принято называть каменнымъ вѣкомъ. Но въ разныхъ пещерахъ въ подлѣгахъ замѣчена большая разница отдѣлки: въ однихъ встрѣчаются лишь самыя грубыя орудія, изъ обитыхъ кремня; въ другихъ найдены орудія и орудія, гораздо искуснѣе и тщательнѣе отдѣланныя и главно

отполированныя. Такимъ образомъ, каменный вѣкъ дѣлится на два періода: обитого кремня и полированного кремня, научно называемые палеолитическій, т. е. древно-каменный вѣкъ и неолитическій, — ново-каменный вѣкъ.

За пещернымъ человѣкомъ слѣдуетъ обитатель скалистыхъ селеній. Тутъ мы имѣемъ дѣло не съ пещерами и разными лѣсными берлогами, а съ постройками, сооруженными руками человѣка, хитро придуманными и исполненными съ большими умѣніемъ и терпѣніемъ: на скалахъ, обитыхъ правильными рядами въ два яруса, на небольшомъ разстояніи отъ берега, владѣли помосты изъ досокъ или бревенъ, и на нихъ ставились хижины. Люди устраивали себѣ такіа жилища среди дѣсовъ и горъ именно потому, что были окружены врагами — не только дикими звѣрями, но и не жено дикими людьми; селенія эти соединялись съ берегомъ лишь узкой плотинкой или востомъ, который на почтѣ или разводился, или охранялся сильной стражей.

Нѣтъ никакой возможности, даже приблизительно, опредѣлить, сколько вѣковъ продолжалась мода на скалистыхъ постройкахъ; но этотъ періодъ отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что во многихъ скалистыхъ селеніяхъ найдены предметы изъ металловъ: золота, серебра и бронзы. Такимъ предметомъ вообще является, изъ чего можно заключить, что они составляли большую роскошь. Это приводитъ къ началу бронзового вѣка, который получилъ это названіе оттого, что бронза употреблялась очень долго до появленія въ обществѣ обиходѣ жельза и, стало быть, до начала вѣка жельза и олова.

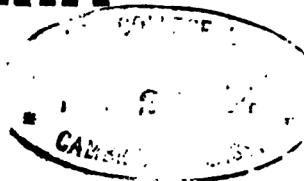
Во второй главѣ — „Застѣчь и зомъ“ — авторъ говоритъ объ открытіяхъ Ботты и Лайарда въ Месопотаміи, сдѣланныхъ при помощи этихъ орудій. Вѣкъ турецкаго города Мосула обращали на себя вниманіе болѣе значительно больше и выше другихъ. Въ одномъ изъ нихъ раскинулась деревня Хорсабаль, и тутъ-то въ 1843 году французскій консулъ Ботта, вслѣдствіе случайно услышаннаго замѣчанія одного поселянина, велѣлъ нанять рабочихъ, арабамъ, рыть глубокіе рвы или ходы въ самую середину холма, да сверху туда же спустить шахту. Когда она стала на точку соединенія шахты и рва и осмотрѣлся въ полу-мракѣ, она поняла, что очутился въ какой-то залѣ. Послѣ расчистки оказалось, что вслѣдъ кровѣ мѣста, гдѣ были двери, — стѣны облицованы плитами какого-то известняка, въ редкѣ алабастра; плиты же сплошь покрыты изваяніями, — изображеніями битвъ, осадъ и разныхъ военныхъ сценъ, съ длинными рядами непопятаго частаго письма, выстѣпанаго на камнѣ; это былъ текстъ къ изваяніямъ иллюстраціямъ. Объ этой находкѣ одинъ изъ первыхъ узналъ молодой англичанинъ Лайардъ и запасшись средствами, принялся за раскопки, результаты которыхъ и описалъ въ двухъ интересныхъ книгахъ: „Ниневія и ея остатки“ и „Ниневія и Вавилонъ“.

Изъ всего, что первые исследователи въ курсагахъ, наибольшее извѣстность получили невольскіе крилатые быки и львы

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1904 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 10 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА:
ИСТОРИЯ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.
Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться
въ Товарищество «Общественная Польза», СПБ. Большая
Подъячская, № 39.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ «Русской Старины»
1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

—
III¹⁾.

Охлажденіе императора Александра къ людямъ и дѣламъ.—Пристрастіе его къ иностранцамъ.—Сближеніе государя съ графомъ Аракчеевымъ.—Ихъ характеристика.—Передача Аракчееву всѣхъ дѣлъ по управленію государствомъ.—Начало общественнаго движенія.

Нанунъ Отечественной войны, принудившій императора Александра уступить противодѣйствию общества къ начатымъ преобразованіямъ, окончательно убѣдилъ государя, что русскіе люди не созрѣли еще до политическихъ реформъ и до введенія нѣкотораго подобія конституціонныхъ началъ, составлявшихъ цѣль его преобразованій въ первое десятилѣтіе его царствованія.—Вступая на престолъ, Александръ былъ убѣжденъ, что долженъ основать свою будущую дѣятельность на демократическихъ началахъ свободы и счастья человѣчества; что онъ долженъ избѣгать произвола и стремиться къ водворенію въ государствѣ законности. Онъ считалъ тогда республику единственно правильною формою правленія государства и утверждалъ, что верховная власть должна быть ввѣряема наиболѣе способнымъ лицамъ по выбору націи.—Но первые шаги его въ этомъ направленіи были встрѣчены полнымъ неодобреніемъ,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, декабрь 1903 г.

приведшимъ его къ убѣжденію, что добро совершается не легко; что въ людяхъ часто встрѣчается тупое противодѣйствіе къ лучшимъ заботамъ о пользѣ и благоденствіи ихъ, и что на благодарность людскую рассчитывать нельзя.

— Людская благодарность,—говорилъ Александръ впоследствии,—такъ же рѣдко встрѣчается, какъ бѣлый воронъ.

«Поэтому,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій,—онъ не могъ сохранить привязанности къ людямъ, которые не въ состояніи цѣнить основаній, содѣлывающихъ общества счастливыми. Отъ сего происходило, можетъ быть, неуваженіе къ русскимъ, предпочтеніе иностранцевъ и, что мнѣ даже страшно и подумать, нѣкоторое охлажденіе и къ Россіи, которая монарха своего до сихъ поръ въ полной мѣрѣ не умѣетъ цѣнить».

Она видѣла въ немъ охлажденіе къ себѣ настолько полное, что государь не скрывалъ своего отвращенія къ русскимъ порядкамъ и русскимъ людямъ.

Путешествуя за границу, императоръ Александръ нерѣдко часть пути проходилъ пѣшкомъ, заходилъ въ дома поселянъ, бесѣдовалъ съ ними и раздѣлялъ ихъ трапезу. Но, по свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго, во время путешествій по Россіи, государь рѣдко входилъ въ подробные разговоры о нуждахъ жителей, а большею частію дѣлалъ незначительные вопросы, преимущественно тѣмъ лицамъ, кои хъ имена ему почему-либо были извѣстны.

«Непостижимо для меня,—прибавляетъ онъ¹⁾,—какъ 26-го августа (1816 г.) государь²⁾ не только не ѣздилъ въ Бородино и не служилъ въ Москвѣ панихиды по убиеннымъ, но даже въ сей великій день, когда почти всѣ дворянскія семейства въ Россіи оплакиваютъ кого-либо изъ родныхъ, падшихъ въ безсмертной битвѣ на берегахъ Колочи, государь былъ на балѣ у графини Орловой-Чесменской.—Императоръ не посѣтилъ ни одного классическаго мѣста войны 1812 года, Бородина, Тарутина, Малаго-Ярославца и другихъ, хотя изъ Вѣны ѣздилъ на Ваграмскія и Аспернскія поля, а изъ Брюсселя—въ Ватерлоо. Достоинно примѣчанія, что государь не любитъ вспоминать объ Отечественной войнѣ и говорить о ней, хотя она составляетъ прекраснѣйшую страницу въ громкомъ царствованіи его».

«Если государь не видѣлъ кого-либо изъ своихъ генераловъ или флигель-адъютантовъ нѣсколько времени, то рѣдко спрашивалъ о причинѣ, почему такой-то не явился при дворѣ, боленъ-ли онъ и тому подобное, но когда случится, что какой-нибудь изъ знакомыхъ его ве-

¹⁾ Воспоминанія Михайловскаго-Данилевскаго. „Русскій Вѣстникъ“, 1890 г. № 9, стр. 159.

²⁾ Онъ былъ въ то время въ Москвѣ.

личеству австрійцевъ занеможеть, то немедленно посылаетъ узнавать объ его здоровьѣ», хотя бы онъ былъ самаго малаго чина ¹⁾).

Въ 1814 году, по возвращеніи Александра въ Петербургъ, Г. Р. Державинъ лично поздравилъ его съ одержанными блестящими побѣдами.

— Да, Гавріиль Романовичъ,—сказалъ императоръ,—миѣ Господь помогъ устроить внѣшнія дѣла Россіи, теперь примусь за внутреннія, но людей нѣтъ.

— Они есть, ваше величество,—отвѣчалъ Державинъ,—но они въ глуши, ихъ искать надобно; безъ добрыхъ и умныхъ людей и свѣтъ бы не стоялъ.

Однажды, Энгельгардъ, въ разговорѣ съ государемъ, замѣтилъ, что теперь время приступить къ устройству гражданской части.

Александръ взялъ его за руку и, пожавъ ее крѣпко, со слезающимися глазами сказалъ ему:

— Ахъ! Я это очень и очень чувствую, но ты видишь, съ кѣмъ я возьмусь.

Точно также онъ жаловался П. Д. Киселеву на недостатокъ государственныхъ людей въ Россіи. Киселевъ отвѣчалъ, что между 40 милліонами жителей всегда можно найти такихъ ²⁾).

Бывшій его сотрудникъ М. М. Сперанскій былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и полной силѣ, а графъ Кочубей, Новосильцовъ и другіе, съ которыми Александръ начиналъ свои преобразованія, находились на службѣ и могли быть привлечены къ этого рода дѣятельности.

«Я часто давалъ себѣ отчетъ,—писалъ графъ В. П. Кочубей М. М. Сперанскому ³⁾),—о причинахъ, заставляющихъ держать васъ въ удаленіи отсель, и всегда терялся въ заключеніяхъ моихъ. Сомнѣнія никакого нѣтъ, чтобъ расположеніе его величества не было къ вамъ самымъ благопріятнымъ. Онъ, какъ слышу я, всегда отзывается о васъ съ большою похвалою и отдаетъ вамъ полную справедливость. При такихъ чувствахъ и при недостаткѣ способныхъ людей, какъ бы, казалось, не отыскивать ихъ вездѣ; но тутъ-то и большая загадка, тутъ-то всѣ и теряются. Иные заключаютъ, что государь именно не хочетъ имѣть людей съ дарованіями, дабы не относимо было имъ что-либо по управленію или инымъ мѣрамъ. Государь знаетъ людей совершенно и понимаетъ ихъ точно такъ, какъ понималъ всегда.... но способности

¹⁾ Журналъ Михайловскаго-Данилевскаго 1815 г. Н. Е. Шильдеръ, „Императоръ Александръ“, т. III, стр. 274.

²⁾ „Русская Старина“ 1893 г. № 7, 205.

³⁾ Отъ 22-го апрѣля 1819 г. „Въ память графа Сперанскаго“. Изд. 1872 г., стр. 158 и 159.

подчиненныхъ ему неприятны; однимъ словомъ, тутъ есть что-то непо-
стижимое и чего истолковать не можно».

Толкованіе заключалось въ томъ, что, разъ удаливъ кого-либо отъ
себя, государь не приближалъ уже его болѣе къ себѣ. Къ тому же
Александръ былъ теперь не тотъ, какимъ былъ до 1812 года. Продолжительная и упорная борьба съ Наполеономъ сблизила его съ
иностранными совѣтниками, которыми онъ былъ преимущественно
окуренъ и совѣты которыхъ предпочиталъ совѣтамъ русскихъ людей ¹⁾
Многолѣтнее пребываніе за границею познакомило Александра съ
тамошними порядками, и, сравнивая ихъ съ русскими, онъ не могъ
не отдать преимущества иностраннымъ ²⁾. Послѣдствіемъ этого было
приглашеніе, часто безъ разбора, многихъ иностранцевъ на русскую
службу, что оскорбляло національное достоинство.

«Далеко я,—писалъ П. Коховскій,—чтобы оправдывать лѣность, не-
радѣніе, безпечность дворянства русскаго. Но со всѣмъ тѣмъ нельзя
не замѣтить, что тому причиной явное предпочтеніе, даваемое прави-
тельствомъ всѣмъ иностранцамъ безъ разбора. На этотъ разъ я укажу

¹⁾ Достаточно вспомнить Фуля, Вольдогена, де-Местра, Армфельда, Меттер-
ниха, Винценгероде, герцога вюртембергскаго, мекленбургскаго, кобургскаго
и многихъ другихъ. Изъ шести уполномоченныхъ нашихъ на Вѣнскомъ кон-
грессѣ одинъ только графъ А. К. Разумовскій былъ природнымъ русскимъ, а
остальные были: Нессельроде, графъ Ставальбергъ, Анстеть, Поццо-ди-Борго
и графъ Каподистрія. Къ нимъ присоединился баронъ Штейнъ, съ которымъ
Александръ часто совѣтывался.

²⁾ Такое пристрастіе къ иностранцамъ Михайловскій-Данилевскій ста-
рается оправдать тѣмъ, что государь всегда встрѣчалъ въ нихъ болѣе ласки
и культуры.

„Русскіе,—говоритъ онъ,—обижаются мнимымъ (?) предпочтеніемъ госу-
даря къ полякамъ, но нельзя не признаться, что по крайней мѣрѣ въ настоя-
щемъ путешествіи оно весьма извинительно даже и кромѣ политическихъ
причинъ“.—Проѣхавъ отъ Петербурга до Волыни, императоръ находилъ только
разореніе и жалобы, а по вѣздѣ въ предѣлы Польши, „все облеклось въ ра-
достный видъ“. По словамъ Данилевскаго, въ г. Житомирѣ представлялось
императору до 200 человекъ дворянъ, тогда какъ въ Москвѣ было 42 чело-
вѣка. Въ Житомирѣ молодой графъ Ильинскій произнесъ прекрасное при-
вѣтствіе, въ то время, какъ предводители въ семи великороссійскихъ губер-
ніяхъ не могли при государѣ отворить рта и только низкими поклонами по-
казывали свою преданность. Они болѣе изъ себя являли метръ-д’отелей, за-
нимавшихся угощеніемъ, нежели предводителей дворянства. У одного изъ нихъ
императоръ спросилъ, почему онъ не былъ на смотру войскъ, происходив-
шемъ по утру.

— Я распоряжался столомъ для вашего величества, — отвѣчалъ предво-
дитель.

(Изъ воспоминаній Михайловскаго - Данилевскаго. „Русскій Вѣстникъ“
1890 г., № 10, стр. 86).

только на корпусъ инженеровъ водяной коммуникаціи. Тамъ всѣ офицеры, перешедшіе къ намъ изъ иностранной службы, находятся на жалованьи огромномъ, но пользы отъ нихъ мало, или, лучше сказать, нѣтъ никакой. Всѣ работы производятся инженерами русскими; когда же были употреблены иностранцы,—вездѣ работы были неуспѣшны до того, что графъ Воронцовъ принужденъ былъ для работъ въ Одессу просить именно инженеровъ русскихъ. Иностранцы хорошіе теоретики, но что мѣшаетъ отправлять нашихъ русскихъ молодыхъ офицеровъ вояжировать? Они могли бы наблюдать работы, учиться и быть собственностію отечества. Издержки для того не превышали бы теперешнихъ издержекъ на жалованье иностранцамъ.

«Мнѣ мало извѣстны способности государственныхъ людей, но, какъ ревностному сыну отечества, простительно надѣяться, что у насъ, конечно, нашлись бы русскіе замѣстить мѣста государственныхъ, которыми теперь обладаютъ иностранцы. Очень натурально, что такое обладаніе обижаетъ честолюбіе русскихъ, и народъ теряетъ къ правительству довѣренность».

Эта потеря довѣренности къ государю со стороны подданныхъ происходила еще и отъ другой причины. Истощивъ весь запасъ энергіи на борьбу съ заклятымъ своимъ врагомъ, Наполеономъ, на борьбу, составлявшую цѣль его жизни, и достигнувъ ея, Александръ совершенно неожиданно для себя потерялъ подъ собою почву и лишился цѣли къ дальнѣйшей дѣятельности. Приписывая свои успѣхи Промыслу Божію, онъ впалъ въ мистицизмъ и думалъ только о сохраненіи пріобрѣтеннаго войною, отказался отъ какихъ бы то ни было преобразованій, сталъ тяготиться бременемъ правленія, совершенно охладѣлъ къ дѣламъ ¹⁾ и передалъ ихъ въ руки графа Аракчеева.

Помня завѣтъ отца быть всегда другомъ Аракчеева и никогда не разлучаться съ нимъ ²⁾, Александръ невольно питалъ чувство предан-

¹⁾ „Книгинъ,—записалъ графъ П. П. Сухтеленъ,—настоячиво просилъ допустить его къ государю съ тѣмъ, чтобы доложить его величеству слѣдующее: такъ какъ за важными дѣлами, которыми государъ занятъ, ему, Книгину, давно уже не приходится работать и въ портфель его накопилось великое множество бумагъ, а между тѣмъ, его обвиняютъ въ небрежности, то онъ лучше желаетъ лишиться мѣста, котораго не искалъ, нежели подвергаться общественному поношенію. Наконецъ, онъ добился того, что на нынѣшней недѣлѣ ему назначенъ день для доклада“ („Русскій Архивъ“ 1876 г. Т. I, стр. 347).

²⁾ О причинахъ дружбы императора Александра съ графомъ Аракчеевымъ, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ и въ первые годы царствованія, см. статью нашу въ „Русской Старинѣ“ 1900 года, № 9, стр. 465—470. См. также статью: „Великій князь Александръ Павловичъ и А. А. Аракчеевъ“. „Русская Старина“ 1903 г., № 6, стр. 503—525.

ности къ вѣрному слугѣ его отца,—чувство, которое впоследствии походило на сыновнее почтеніе. Въ сохраненіи этого чувства онъ видѣлъ нравственное успокоеніе, тѣмъ болѣе, что въ вѣрности Человѣка, котораго онъ приблизилъ къ себѣ, онъ не могъ сомнѣваться. Въ глазахъ Александра графъ Аракчеевъ являлся и скупителемъ прошлаго, и государь не отпускалъ его отъ себя во все время военныхъ дѣйствій, облекъ его полнымъ довѣріемъ, откровенностію и неразрывною дружбою. Александръ постоянно совѣтовался съ нимъ и поручалъ ему самыя секретныя дѣла. «Прочтя, вороти ко мнѣ всѣ сіи бумаги на имя разныхъ министровъ,—писалъ государь графу Аракчееву ¹⁾,—я самъ ихъ разошлю, а то на тебя еще въ состояніи будутъ сердиться».

«Вороти мнѣ письма къ Несельроду. Хорошо бы мнѣ съ тобою повидаться передъ твоимъ отъѣздомъ завтра. Я въ 7 часовъ уже одѣтъ» ²⁾.

«Я видѣлъ, что Чернышевъ будетъ огорченъ, если его сдѣлать просто генераль-маіоромъ, то онъ кажется заслуживаетъ, чтобы его произвести прямо въ генераль-адъютанты, что и исполнить» ³⁾.

«Душевно тебя благодарю за поздравленіе. Я давно привыкъ считать на твою любовь ко мнѣ; но и моя къ тебѣ давно и непреложно существуетъ. Я искренно сожалѣю о твоёмъ нездоровьѣ, и если удастся, то самъ побываю у тебя» ⁴⁾.

Какъ эти, такъ и многія другія записочки, свидѣтельствовавшія о близости Александра къ Аракчееву, не вполне удовлетворяли царскаго слугу. Изучивъ характеръ государя, онъ сознавалъ, что можетъ привлечь къ себѣ еще болѣе расположеніе Александра, самостоятельностью и внушеніемъ, что ничего не жаждаетъ, ничего не проситъ и ничего не ищетъ. При каждомъ удобномъ случаѣ, графъ Алексѣй Андреевичъ старался показать, что намѣренъ удалиться вовсе отъ дѣлъ, чѣмъ, конечно, выдѣлялся отъ всѣхъ окружающихъ, былъ среди нихъ исключеніемъ, затрогивалъ самолюбіе Александра и привлекалъ его къ себѣ. Такъ, при предстоявшей поѣздкѣ государя въ Англію, графъ Аракчеевъ отказался сопутствовать ему и просилъ уволить его въ отпускъ, чтобы посмотреть Италію, Римъ, Неаполь и другія мѣста.

«Думаю имѣть двѣ пользы,—писалъ онъ И. А. Пукалову ⁵⁾: одну въ оныхъ мѣстахъ побывать, а другую можетъ быть и важнѣе первой.

¹⁾ На запискѣ рукою Аракчеева написано: „получена 1-го ноября“ 1812 г.

²⁾ Получена 2-го ноября.

³⁾ Получена 11-го ноября.

⁴⁾ Получена 6-го декабря.

⁵⁾ Отъ 21-го февраля 1814 г. „Русскій Арх.“ 1891 г. № 1, стр. 136.

«Далѣ въ лѣсъ больше дровъ; состарѣхся и изнемогахъ, то надобно и честь знать. Особенно въ оное время, гдѣ зачнуть дѣлать много новаго: то молчать грѣхъ, а говорить, то согрѣшить можетъ.

«Я ясно и торжественно могу сказать,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ ¹⁾,—что прошусь у государя нашего милостиваго совсѣмъ прочь отъ дѣлъ, которыя мнѣ наскучили, и я чувствую, что они тяготятъ мое здоровье по прямому моему характеру. Здѣсь вы, любезный другъ, погрѣшили, сказавъ обо мнѣ, что я ко двору очень привыкъ; вижу изъ онаго, что и умные люди иногда могутъ ошибаться. Знайте, любезный другъ, и повѣрьте послѣ мною сказанное: я двора нвогда не любилъ, и онъ мнѣ всегда былъ въ тягость; а заблужденіе мое было, призываюсь въ томъ, что я думалъ, будто честный человекъ можетъ дѣлать общую пользу. Оно можетъ быть и возможное дѣло, но въ государствѣ маленькомъ; а въ нашемъ пространномъ колоссѣ оное есть заблужденіе. Касательно же толковъ людскихъ, то на оныя смотрѣть не должно; да они ничего важнаго не сдѣлаютъ. Вспомните толки 1812 года и сравните теперешніе о тѣхъ же людяхъ, то вы ужаснетесь отъ онаго; слѣдовательно, публика либо тогда, либо теперь, но все несправедлива».

Такъ писалъ, но не такъ думалъ графъ Аракчеевъ. Отказомъ сопровождать государя въ Англію онъ желалъ обратить на себя еще большее вниманіе его. 13-го мая графъ былъ уволенъ въ отпускъ на все то время, какое нужно для поправленія здоровья. Онъ уѣхалъ, а велѣдъ за тѣмъ уѣхалъ и императоръ Александръ изъ Парижа въ Англію. Въ день отъѣзда, 22-го мая, онъ писалъ Аракчееву ²⁾:

«Съ крайнимъ сокрушеніемъ я расстался съ тобою. Прими еще разъ мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя, и которыхъ воспоминаніе на вѣкъ останется въ душѣ моей. Я скупченъ и огорченъ до крайности; я себя вижу послѣ 14-ти лѣтняго тяжкаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны, лишеннымъ того человека, къ которому моя довѣренность была неограничена всегда. Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной и ничье удаленіе мнѣ столь не тягостно, какъ твое. На вѣкъ тебѣ вѣрный другъ».

Письмо это вполнѣ удовлетворило Аракчеева; онъ достигъ своей цѣли, обратилъ на себя вниманіе и вызвалъ откровенное признаніе государя.

«Чувствую цѣнну милостиваго вашего письма,—отвѣчалъ графъ;—оно

¹⁾ И. А. Пугалову отъ 12-го апрѣля 1814 г. изъ Парижа „Русскій Арх.“ 1891 г. № 1, стр. 140.

²⁾ Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 241.